

О.Ф. ОРИШЕВА

«КЛАССИЧЕСКИЙ» МАРКСИЗМ: ДОГМА ИЛИ ОТКРЫТЫЙ ПРОЕКТ?

Пересматривается общепринятая оценка марксизма как закрытой, институционально закреплённой догмы. В результате «классический» марксизм предстаёт как гибкий и открытый практико-теоретический проект, исторически уникальный в своём требовании превратить философию в орудие общественной эмансипации.

The article reconsiders a conventional image of marxism as a closed, officially legitimated doctrine. As a result, «classical» marxism reveals itself as an open and flexible, both theoretical and practical project, historically unprecedented in its demand to transform philosophy into a tool for social emancipation.

В настоящее время многие постсоветские гуманитарии рассматривают марксизм как нечто статичное, догматическое, мало совместимое с философским поиском. Действительно, условия, когда основная функция марксистской теории заключалась в легитимации официального политического режима, не способствовали ее развитию. Наша задача состоит в том, чтобы обосновать достаточно простую мысль, состоящую в том, что историческое превращение марксизма в институционально узаконенную ортодоксию находится в прямом противоречии с его изначальной направленностью, так как в своих основаниях он представляет собой чрезвычайно гибкий, самокритичный теоретико-практический проект.

Первое, на что следует обратить внимание при попытке дать интегральную оценку наследию Маркса, это его *гетерогенность*, в силу которой совокупность оставленных им текстов можно объединить в «доктрину» посредством значительных интерпретаторских усилий. В данном случае уместно сослаться на «черновиковый», незавершенный характер многих произведений, а также на многообразие затрагиваемых тем наряду с глобальным сдвигом проблематики от философии к экономике, с которым принято связывать противопоставление «раннего» и «зрелого» Маркса. Было бы несомненной идеализацией представлять его письменное наследие как последовательность хорошо отстроенных теоретических работ, объединенных жесткой преемственностью с вкраплением второстепенных материалов, каковыми, по всей видимости, следует считать тексты сугубо публицистического характера и корреспонденцию. Представляется, что проводить принципиальное различие между «большими» и «вторичными» произведениями Маркса (и Энгельса) не только достаточно сложно, но и не вполне правильно, что объясняется не только индивидуальной манерой письма, но причинами, имманентными проекту марксизма в целом. Как пишет по этому поводу Жорж Лабика, «тексты, которые принято квалифицировать как исторические (*Крестьянская война в Германии*, *Восемнадцатое брюмера*, *Гражданская война во Франции* и т. д.), политические (*Господин Фогт*, *Критика Готской программы...*), моментальные письменные отклики на сиюминутные события, публицистические статьи, переписка, записи и черновики – все они являются для теории конституирующими»¹.

Подавляющее большинство произведений, вышедших из-под пера Маркса и Энгельса, независимо от их теоретической нагрузки представляют собой ответ либо на текущие политические события, либо (на более высоком уровне генерализации) на общую социально-историческую ситуацию, предельным горизонтом осмысления которой становится проблематика капитализма. В данном ракурсе особого внимания заслуживает работа «Классовая борьба во Франции», состоящая из четырех статей, которые в 1895 г. незадолго до своей смерти Энгельс объединил в книгу и издал под этим заглавием. Как указывает Лабика, данный текст характеризует *двойная ситуативная отнесенность*². С одной стороны, речь в ней идет о периоде, охватывающем события революции 1848–1849 гг. во Франции и завершающемся отменой всеобщего избирательного права в 1850 г.; с другой стороны, специфическое смысловое обрамление работе придает предисловие, написанное Энгельсом в год издания книги, где он сопоставляет ситуацию рабочего движения в середине XIX в. с изменениями, произошедшими к моменту 1890-х. Сочетание в рамках одного произведения двух исторических контекстов создает необычный эффект: с одной стороны, интерес вызывает сам контраст между ситуацией и общим настроением поражения, связанными с падением Парижской коммуны и теми удивительными успехами, которых удалось достичь немецким социал-демократам благодаря умелому использованию всеобщего избирательного права, введенного в Германии в 1866 г. С другой стороны, совмещение двух исторических перспектив усиливает «эффект присутствия» и генерирует впечатление, что теория постоянно «держит руку» на пульсе истории, находясь в постоянной готовности пересмотреть собственные позиции, если общий ход событий фальсифицирует их. («История показала, что и мы и все мыслящие подобно нам были неправы»³.)

Наиболее яркой иллюстрацией ситуативной отнесенности работ «классиков» служат, безусловно, исторические тексты, где специфическая марксистская понятность вплавлена в обширный эмпирический материал. Однако данная тенденция оказывается не менее значимой, хотя и менее очевидной в экономических произведениях Маркса. В частности, «Капитал» (прежде всего, первый его том – единственный, собственноручно отредактированный автором и вышедший в свет при его жизни), который закономерно рассматривается как книга, подводящая итог длительному становлению Маркса-ученого, и считается своеобразной «иконной» марксистской научности, содержит в себе четко опознаваемое *внеэкономическое измерение*. Следует обратить внимание на громадное значение, которое придается анализу конкретных ситуаций и случаев, что проявляется в рамках «Капитала», прежде всего, в объеме приводимого фактического материала, в первую очередь относящегося к условиям труда и быту рабочих. В ситуации, когда общенациональная статистика находилась в зачаточном существовании, Марксу на основании сведений, почерпнутых из прессы, отчетов правительственных инспекторов, исследований отдельных аналитиков (всего порядка тысячи источников) удалось создать объемную картину реалий современного ему способа производства, по сути – целой эпохи, взятой в ее экономическом срезе⁴. Особое место в первом томе занимает двадцать четвертая глава «Так называемое первоначальное накопление капитала», которая придает синхроническому в целом исследованию диахроническое измерение и представляет собой анализ исторических предпосылок формирования нового, «буржуазного» общества как в аспекте основных закономерностей его становления, так и в плане той гуманитарной катастрофы, которая ему сопутствовала. Принципиально важно, однако, что общая историческая «нагруженность» «Капитала» проявляется не только в большом удельном весе, который принадлежит анализу истории политэкономических доктрин или отдельных событий, но и в самом способе представления материала. Несмотря на нейтральную окраску и абстрактность заглавий и подзаголовков, работа носит ярко выраженный «ангажированный» характер, так как организация фактических данных и их теоретическое обрамление указывают на совершенно определенную и четко осознаваемую социальную (и потенциально – политичес-

кую) позицию, с которой идентифицирует себя автор. Речь, безусловно, идет о позиции *пролетариата* как класса, исключительно угнетенное положение которого делает его невольным персонифицированным воплощением противоречий и несправедливости своей эпохи и одновременно – возможным орудием их разрешения. Практически среди семи отделов первого тома «Капитала» в отделах с третьего по седьмой анализ положения рабочих занимает столь значительное место, что теория оттесняется на второй план.

Обращение к конкретно-историческому анализу, по сути, представляет собой лишь одну из возможных форм самообнаружения «ситуативного» характера теории, связанного, в свою очередь, с фундаментальной *практической направленностью* марксизма, лучшим выражением которой был и остается 11-й тезис «Тезисов о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»⁵.

Корнелиус Касториadis, последовательный и жесткий критик «ортодоксии», в своих работах говорит о том, что основное историческое значение и непреходящая ценность марксизма заключаются в уникальности его требования объединить философию, политику и борьбу угнетенных классов в рамках синтеза, который трансформирует и «пресуществляет» входящие в него элементы. Благодаря подобному синтезу *философия* вместо того, чтобы искать разрешение человеческих проблем и конфликтов в сфере умопостигаемого, должна транслировать себя в социально-преобразовательную активность. *Политика* должна превратиться из совокупности техник манипуляции в сознательную деятельность, нацеленную на усовершенствование общественного устройства. *Борьба эксплуатированных* за достойное существование должна выйти за рамки интересов отдельных страт и стать борьбой за универсальную эмансипацию⁶.

В целом соглашаясь с этой оценкой марксистского проекта, обратим внимание на то, что с точки зрения его исходной направленности конструирование *теории* (философской, социальной, экономической), т. е. создание определенной системы категорий, выявление и экспликация каузальных зависимостей и т. д., оказывается своего рода сопутствующим эффектом. Другими словами, ценность концепции определяется не в терминах полноты, внутренней когерентности, эвристической продуктивности, но как бы выносятся «вовне»: она обуславливается эффективностью теории в качестве орудия общественной эмансипации, осуществление которой связывается у Маркса и Энгельса с судьбами «универсального класса» – пролетариата.

Второй основной особенностью марксистской теории в ее классическом варианте является ярко выраженная *критическая направленность*. Данная черта наблюдается уже в первых полемических статьях Маркса («Дебаты по поводу закона о краже леса», «К еврейскому вопросу», «Запрещение *Leipziger allgemeine Zeitung*» и др.), а также в такой теоретически значимой работе, как «К критике гегелевской философии права. Введение», где одним из главных объектов атаки становится немецкая политическая и духовная действительность. Со временем вырисовывается образ иного, гораздо более значимого «противника», масштабность которого требует систематического и теоретически зрелого подхода, – образ *капитализма* как общества, концентрирующего в себе основные достижения, пороки и контрверсы своей эпохи.

Критика капитализма в работах Маркса имеет поистине всеобъемлющий характер: фактически нет ни одной реалии, социально узаконенного представления, общепризнанной ценности, которая бы не стала ее объектом. Главной мишенью является основанный на эксплуатации капиталистический способ производства, порождающий парадоксальную ситуацию, в которой реальные производители оказываются наиболее угнетенной и материально стесненной частью населения. Дезавуируя порочность капиталистического общества в самом его средоточии (т. е. в сфере экономики), Маркс закладывает основу для систематической критики любых его проявлений на самых разных уровнях (будь то уровень права, искусства, философии, обыденных человеческих взаимоотношений). В «Манифесте Коммунистической партии», например, такие образования, как «бур-

жуазная личность», «буржуазная свобода», «буржуазная семья», «буржуазное воспитание»⁷ и пр., подвергаются последовательной деструкции и напроць лишаются ценностного ореола: им, как фактически и любому другому внеэкономическому феномену, не удастся избежать обезличивающего, отчуждающего воздействия капитала, пронизывающего самые «интимные» уголки социальной жизни и накладывающего на элементарные формы человеческого общения печать извращенности.

Проект радикальной критики придает гетерогенному, во многом фрагментарному, наследию Маркса специфическую целостность и позволяет поставить в один ряд такие непохожие друг на друга произведения, как «экономическо-философские рукописи 1844 г.» (имеется в виду прежде всего раздел о частной собственности и отчужденном труде) и «Капитал»: в данном ракурсе рассмотрения тематизация проблемы универсального отчуждения может рассматриваться как философское предвосхищение последующего детального экономического анализа.

Позиция, с которой осуществляется эта универсальная критика, в свою очередь, опознается как универсальная, т. е. рассматривается не как спорадически возникший очаг сопротивления наличному status quo, но как выражение тенденции, подготовленной всем предшествующим развитием общества. Как утверждается в «Манифесте», теоретические положения коммунистов «...являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения»⁸. Представляется, однако, что укорененность марксизма в своей эпохе, в частности в реалиях капиталистического общества, имеет также иной, неотрелектированный у «классиков» и не вполне желательный аспект, указывающий не столько на органическую включенность проекта в исторический контекст, сколько на имманентную зависимость от него. Используя терминологию Дэвида Харви, специфическую сращенность марксизма с объектом своей критики можно представить как одно из его основных «практических противоречий». «Первое практическое противоречие марксизма обусловлено тем фактом, что он в той же мере является продуктом изначальной склонности буржуазного общества к самоизлучению, в какой представляет собой орудие его устранения. (...) Само существование марксизма парадоксальным образом зависит от системы, которую он пытается преодолеть. Отсюда следует, что марксизм как теория и как практика имеет смысл лишь до тех пор, пока существует капитализм»⁹.

Марксизм, несомненно, является продуктом своей эпохи (и этот момент отчетливо обозначается самим его основателем), при этом радикальный характер его теоретического проекта состоит в том, что, будучи кульминационным выражением интенции модерной культуры на самоизлучение, ему удается выйти за пределы сформированного ею проблемного горизонта. Разоблачая претензии капитализма на статус универсального общества, опирающегося на «естественную» человеческую склонность к «договору, торговле и обмену», Маркс показывает, что капитализм обязан своим возникновением совершенно определенным историческим условиям, развивается в соответствии со своим собственным, уникальным набором динамических противоречий и, как всякая другая социально-историческая институция, должен в свое время превратиться в реликт, уступив место иным формам социального общежития¹⁰.

Итак, несмотря на обширность и граничащую с фрагментарностью разносторонность теоретического наследия Маркса и Энгельса, можно выделить его две основополагающие характеристики – *ситуативный характер* подавляющего числа работ и их *критическую направленность*. *Ситуативность* проявляется не только в том особом статусе, который придается конкретно-историческому анализу, но и в открыто прокламируемой политической позиции (ориентации на максимальное содействие формированию и развитию рабочего движения), что, в свою очередь, делает очевидной преимущественную *практическую* ориентацию марксизма. Вследствие этого возникает образ теории как гибкого, подвижного и открытого для возможных корректив образования, ценность и необходимость ко-

торого определяются практикой. Осмысление второй фундаментальной – *критической* – составляющей марксистского проекта позволяет сделать вывод о парадоксальной природе того отношения, которое связывает его с капиталистической культурой. С одной стороны, она выступает как объект постоянно возобновляемых усилий по обличению, демаскировке, деконструированию, с другой стороны, во многом является источником тех форм, в которые облачаются эти усилия. Глубинная зависимость марксизма от объекта своей критики обуславливает, в частности, тот факт, что негативное самоопределение теоретического проекта становится положительным условием его существования, что, в свою очередь, обеспечивает нас своеобразным критерием его валидности. Даже несмотря на глобальные изменения, которые претерпели западные общества с XIX в., можно утверждать, что марксизм как одна из наиболее развитых и авторитетных стратегий противостояния капитализму обладает значимостью до тех пор, пока существует объект его критики. Иными словами, марксизм остается в настоящее время значимым настолько, насколько он позволяет сохранить восприимчивость к «теневым» сторонам «глобализированного» капитализма и тем самым не поддаваться идеализирующему взгляду на либеральные демократии как на венец социального прогресса.

¹ Labica G. Le marxisme: orthodoxie et heterodoxie // Encyclopedie philosophique universelle. Paris, 1989. Vol. 1. P. 314.

² См.: Ibid.

³ Маркс К. Классовая борьба во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 199.

⁴ См.: Певзнер Я. А. Экономическое учение Карла Маркса перед судом двадцатого столетия. М., 1996. С. 31.

⁵ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 3.

⁶ См.: Castoriadis C. Imaginary Institution of Society. Cambridge, 1987. P. 62.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Указ. соч. С. 121–123.

⁸ Там же. С. 119.

⁹ Harvey D. Practical Contradictions of Marxism // Critical Sociology. 1998. Vol. 24. Issue 1/2. P. 9.

¹⁰ См.: Ibid. P. 10.

Поступила в редакцию 17.02.2004.

Ольга Феликсовна Оришева – аспирантка кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А.И. Зеленков.

Е.В. КАЛУГА

МЕТАФИЗИКА СОСТРАДАНИЯ А. ШОПЕНГАУЭРА

Анализируется феномен сострадания в интерпретации А. Шопенгауэра. Главное внимание уделяется его метафизическому происхождению, основанному на воле к жизни.

The article deals with the phenomenon of the Empathy in the A. Schopenhauer's interpretation. The main attention is given to its metaphysical origin based on the volition to existence.

Кризисные явления цивилизации во многом предвосхитил Артур Шопенгауэр. Вероятно, именно потому, что они особенно остро ощущаются в наше время, произошел и своеобразный ренессанс идейного наследия мыслителя, оказавшийся возможным лишь после его смерти. Поскольку в своем мировоззрении он особенно ярко отразил трагизм человеческого бытия, полного несбывшихся надежд и страдания, его не случайно принято называть философом мировой скорби. Однако пессимизм Шопенгауэра можно интерпретировать различным образом, как и те его идеи, которые в современной этике приобрели особую значимость и актуальность, что в первую очередь касается проблемы сострадания, в известной мере фундирующую этическое мировосприятие немецкого философа. Для того, чтобы